

5

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ И МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЕ

Роль эпитафий в прозе А.С. Пушкина

**Выпускная квалификационная работа по направлению
44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)**
код, направление

Направленность программы бакалавриата

«Русский язык. Литература»

Форма обучения очная

Проверка на объем заимствований:

66 % авторского текста
Работа рекоменд к защите
рекомендована/не рекомендована
« 4 » июня 2020 г.
зав. кафедрой литературы и МОЛ

 Маркова Т. Н.

Выполнил:

Студент группы ОФ-515-075-5-1
Васильев Дмитрий Витальевич
Научный руководитель:
д-р филол. наук, профессор
Маркова Татьяна Николаевна

Челябинск
2020

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭПИГРАФА В ПРОЗЕ	6
1.1 Определение эпиграфа и его классификация.....	6
1.2 Допушкинская эпиграфическая традиция в литературе.....	7
1.3 Художественная функция эпиграфа в прозе А.С. Пушкина в современном критическом осмыслении.....	10
1.4 Эпиграф как конкретное проявление интертекстуальности и формирования смысла произведения	12
ГЛАВА 2. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ ЭПИГРАФОВ В ПРОЗЕ А.С. ПУШКИНА	15
2.1 Особенности художественной функции эпиграфов «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина».....	15
2.2 Особенности художественной функции эпиграфов повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка».....	22
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	36
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	39
ПРИЛОЖЕНИЕ 1 Методические рекомендации	42
ПРИЛОЖЕНИЕ 2 Роль и значение эпиграфов в цикле «Повести покойного Ивана Петровича Белкина».....	52
ПРИЛОЖЕНИЕ 3 Роль и значение эпиграфов в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка».....	58

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к эпиграфу (цитате, предпосланной произведению) – отличительная черта европейской литературной традиции. Помещение эпиграфа перед основным текстом произведения считалось знаком хорошего тона и уважения к читателю.

Диалог между эпиграфом и основным текстом произведения мог разворачиваться как на основе взаимного дополнения смыслов, так и как средство отрицания или оспаривания информации или тенденции, обозначенной в эпиграфе. Рассматривая историю литературного эпиграфа, С.Д. Кржижановский отмечает популярность эпиграфа в XVIII в. и спад интереса к нему – со второй половины XIX в. (в XIX веке русские писатели стали предпосылать эпиграф не только ко всему произведению, но и к каждой его части). В литературе XX в. эпиграф постепенно вытесняется такими художественными приёмами, как скрытое цитирование, помещение «чужого слова в авторскую речь» и подобными им.

Александр Сергеевич Пушкин использовал эпиграфы во многих своих произведениях: стихотворениях, поэмах, трагедиях, романах, повестях, статьях и даже письмах. Это свидетельствует об особенной важности для А.С. Пушкина данного структурного компонента его творений. Эпиграфы отражают особенности его мировоззренческих и художественных представлений. Пользуясь эпиграфами, поэт словно размыкает пределы своего текста, раскрывает его содержание, значение, выражает сопричастность к сказанному до него на языках различных культур, демонстрирует взаимосвязь своего текста с литературными и культурными явлениями (не только русскими, но и всемирными) минувшего и настоящего, одновременно концентрируя внимание на самом основном в произведении.

Пушкинские эпиграфы не раз приковывали внимание исследователей. К ним обращались такие исследователи, как:

- Ю.М. Лотман (в своем труде «Роман А.С. Пушкина «Евгений

Онегин». Комментарий») [19];

- В.В. Виноградов в работах затронул особенности эпиграфики Пушкина, её отличия от авторов XVIII века [3; 4];

- Л.П. Гроссман (в цикле статей «Цех пера» автор исследует эпиграфику пушкинских произведений, таких как «Евгений Онегин» и «Дубровский») [6];

- Д.П. Якубович, Ю.Г. Оксман (члены Академии Наук СССР, авторы нескольких изданий «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии») сделали первые попытки классифицировать эпиграфы писателя по источнику и полноте использования [22; 33];

- В.Б. Шкловский в книге «Заметки о прозе Пушкина» дает собственную оценку эпиграфики Пушкина в повести «Капитанская дочка», делится субъективными рассуждениями о правильности применения их в той или иной главе [31];

- Б.В. Томашевский делает подход к эпиграфам в творчестве Пушкина с историко-культурной точки зрения [27] и др.

Актуальность представленной работы определяется, прежде всего, проблемой недостаточной изученности вопросов, касающихся эпиграфики прозы Пушкина. Имеющиеся в данной области исследования разрозненны, более обращены на рассмотрение какого-либо определенного эпиграфа, а не системы применения поэтом эпиграфов.

Таким образом, *целью исследования* работы является анализ характерных особенностей художественной функции эпиграфов в прозаических произведениях А.С. Пушкина – является актуальной в свете современного литературоведения.

Основные задачи работы:

1. Уяснить понятие «эпиграф» и его классификации.
2. Изучить критическую литературу по теме исследования.
3. Определить функцию эпиграфов в прозе А.С. Пушкина, особенности их употребления.

4. Сформулировать выводы по результатам исследования.

Объект исследования: проза А.С. Пушкина.

Предмет исследования: функции эпиграфов в произведениях А.С. Пушкина: цикле «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» и романе «Капитанская дочка».

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭПИГРАФА В ПРОЗЕ

1.1 Определение эпиграфа и его классификация

Эпиграф – изречение (или цитата), предпосланное произведению (или его части, главе) и сосредотачивающее мысль на его идее.

Само слово «эпиграф» известно ещё со времён античности. У древних греков эпиграфом (epigraphe) изначально называлась надпись на надгробии или стене здания.

Классификация эпиграфов (по А.Г. Храмченкову.) [30, с. 23]:

1. По источнику цитирования:

- из художественной литературы;
- из библейско-религиозной литературы;
- из научной литературы;
- из научно-популярной литературы;
- из фольклора.

2. По полноте использования источника цитирования:

- часть поэтической строки;
- поэтическая строка;
- несколько поэтических строк;
- поэтическая строфа;
- несколько поэтических строф;
- законченное поэтическое произведение.

3. По типу отсылки:

- с указанием автора источника без добавочных сведений/с добавочными сведениями;
- с указанием автора и названия источника без добавочных сведений/с добавочными сведениями;
- с указанием источника без добавочных сведений/с добавочными сведениями;

- с указанием жанровой принадлежности источника.
4. *По степени связанности с композицией предваряемого текста:*
- связанные с заглавием;
 - связанные с началом;
 - связанные с завершением;
 - связанные с началом и завершением произведения.

1.2 Допушкинская эпиграфическая традиция в литературе

Употребление эпиграфов в творчестве писателей-классицистов являлось редкостью. Как отмечал В.К. Тредиakovский: «В большинстве случаев это символ того, о чем говорит писатель, это особенно наблюдается в переводах, в которых эпиграф представляет собой строку из изначального текста».

Область происхождения эпиграфов данной эпохи ещё очень ограничена: это античные и библейские тексты.

Изначальные эксперименты употребления эпиграфа показали, что он «осмысливался наиболее упрощенно и располагал большим прогнозирующим характером» [2; с. 23].

Появление сентименталистских тенденций в русской литературе установило новый этап в «освоении» эпиграфа. У сентименталистов, например, у Н.М. Карамзина, отмечается более глубокое осмысление значения эпиграфа, что выразилось и в разнообразии источников эпиграфов (европейская, прежде всего французская литература), и во взаимодействии их с текстом.

Новшеством Карамзина стало употребление эпиграфа к статье. Эту традицию он заимствует у Руссо [11].

А.Н. Радищев намечает новую линию развития эпиграфа, основанную на связи его с определенной эпохой, исторической или культурной (в «Песнях, петых на состязаниях в честь древних славянских божеств», в «Исторической песне»).

У романтиков эпиграф становится более важной частью текста, он – элемент поэтики (а в романтической поэме – обязательный композиционный элемент) [8; с. 47]. Романтическое мировоззрение диктовало свои творческие убеждения: через чужой текст поэт выражал личное отношение к описываемому. Эпиграфы данного периода отличаются эмоциональностью и лиризмом, что объясняется субъективностью их выбора. В эпиграфе мог быть закреплён постоянный мотив или поэтическая формула [5; с. 56].

В творчестве В.А. Жуковского эпиграф встречается в трудах, в которых намечалось некоторое отдаление от традиции (например, ода «Человек», баллада «Двенадцать спящих дев»). В эпиграфах Жуковского ярко проявлена содержательная информация, но прослеживаются и прочие функции (архитектоническая, оценочная). Характерологический акцент обретает особое звучание, в особенности в многочисленных эпиграфах к «Собранию русских стихотворений» (1810-1811 гг.), где к каждому разделу составитель подобрал эпиграф, сообщающий об особенностях того или иного жанра.

К.Н. Батюшков употреблял эпиграф для начала дискуссии, для обозначения определенной традиции и для создания определенного образа. Эксперименты Батюшкова в области употребления эпиграфа привели к расширению его функций, в особенности метатекстовой и характерологической (в стихотворении «К Филисе») [9; с. 550].

В прозаических произведениях И.И. Лажечникова и А.А. Бестужева-Марлинского не было системности в принципах применения эпиграфа. Так, он присутствовал только перед отдельными главами романа или повести. Для писателей характерно использование эпиграфа, чей источник не соответствовал ни жанру, ни стилю текста, что обедняло его интерпретационные возможности. Лишь в одной из последних повестей Бестужева-Марлинского «Аммалат-Бек» (1832 г.) присутствует колоритный эпиграф, который соответствует его идейной, композиционной и стилевой

целостности: «Будь медлен на обиду – к отмщению скор! Надпись дагестанского кинжала» [1].

Здесь через посредство традиции (надпись на культовом оружии) дана характеристика главного героя, рассудительного и справедливого, вспыльчивого и страстного [4; с. 98].

С развитием критического направления в литературе эпиграф стал важным средством реализации литературного спора, обычно задавая общий тон статьи или определяя позицию ее автора по отношению к оппоненту. Такие эпиграфы встречаются у А.С. Грибоедова, В.К. Кюхельбекера, Ф.В. Булгарина, Н.И. Надеждина.

Русская эпиграфическая традиция складывалась под влиянием традиции западноевропейской, сыгравшей главенствующую роль в становлении эпиграфической манеры Пушкина.

Особый характер эпиграф приобрел в творчестве В. Скотта, который использовал его систематически, то есть поглавно практически во всех своих романах. Писатель никогда не использовал в качестве эпиграфов цитаты из своих произведений, однако иногда специально придумывал нужный эпиграф и подписывался: «Неизвестный автор» (первая глава романа «Пертская красавица, или Валентинов день», «Зеркало тетушки Маргарет» и др.)

Английский писатель XVIII века Л. Стерн широко использовал «переосмысливающую» функцию эпиграфа, объединенного с текстом целым рядом литературных ассоциаций. Подобные эпиграфы можно назвать «фоновыми», «историческими».

В эпиграфах Д.Г. Байрона ярко выразилось авторское отношение к тексту. В частности, в его произведениях встречается эпиграф-дата, «намекающий на автобиографические данные». Место и время, показанные в нём, подчёркивали их значительность в судьбе поэта [14; с. 65].

Если в русской литературе для Пушкина не было примеров

употребления эпитафия в драматургии, то в европейской литературе примером в этом роде служило наследие Вольтера: трагедии «Заира» (1732 г.), «Меропа» (1743 г.), «Спасенный Рим» (1752 г.) и др. обладают эпитафиями из античных и французских авторов.

Эпитафия занимает также прочное место в трактатах Ж.-Ж. Руссо («Рассуждение о науках и искусствах», «Рассуждение о происхождении и основах неравенства между людьми», «Об общественном договоре»).

Предшествовавшая и современная А.С. Пушкину мировая литература передавала поэту свой немалый опыт. Он, воспринимая ее богатства, отвергал принципы, казавшиеся ему устаревшими, и аккумулировал самое ценное, что могло послужить формированию национальной литературы. Пушкин, опираясь на эпитафическую традицию, выработал собственные принципы применения эпитафия (метафоричность, многофункциональность, разнообразие источников), придав ему особую значимость.

1.3 Художественная функция эпитафия в прозе А.С. Пушкина в современном критическом осмыслении

Исследование эпитафики Пушкина начинается в 1920-е годы. До этого в трудах исследователей творчества поэта о его эпитафиях почти не упоминалось. В работах Н.О. Лернера, Ю.Г. Оксмана, Л.П. Гроссмана, Н.В. Яковлева, И.Н. Розанова были совершены первые попытки определения источников нескольких эпитафий. М.К. Константинов дал первые сведения об эпитафиях в книге «Путеводитель по Пушкину» (1931 г.), в которой кратко сообщаются принципы их использования в произведениях поэта.

Советский писатель С.Д. Кржижановский в статье «Искусство эпитафия (Пушкин)» (1936 г.) анализировал эпитафии, включенные в крупные произведения: «Евгений Онегин», «Капитанская дочка», «Пиковая дама». Это стало первым опытом системного анализа, определившим

главные направления последующих изучений. Исследователь подчеркнул вопрос значимости изучения литературных эпитафий, а также предложил возможное наименование новой дисциплины: эпитафология.

В 1930-1940-е годы наиболее значимыми являются литературоведческие работы В. В. Виноградова. В книге «Стиль Пушкина» (1941 г.) исследователь изучает вопрос цитирования, относящийся и к эпитафиям. Литературовед писал: «Задача изучения сводится не только к тому, чтобы установить факт «подражания», но и к тому, чтобы определить значение фразы на ее родине, в контексте ее первоисточника – и затем понять, как это значение использовано или видоизменено в стиле А.С. Пушкина. Акт понимания облегчен, если сам автор показывает или делает упор на свою цитату. Тогда достаточно легко обнаружить адрес происхождения и её смысл» [10; с. 105].

Приблизительно в это же время некоторые эпитафии «Евгения Онегина» анализировал Н.Л. Бродский, при этом исследование имело интерпретационный характер. В 1950-е годы появляются значимые работы Б.В. Томашевского («Пушкин и Франция») и В.Б. Шкловского («Заметки о прозе русских классиков»), однако оба исследователя уже прежде выпускали статьи и монографии, где рассматривались отдельные пушкинские эпитафии. Вызывала интерес ученых источниковедческая сторона эпитафий лирики поэта (Б.В. Томашевский) и романа «Капитанская дочка» (В.Б. Шкловский).

В 1960-е годы изучением эпитафий прозы и поэзии Пушкина занимались исследователи Б.П. Городецкий, Н.Л. Степанов, В.В. Пугачев. Значимым трудом стал «Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» В.В. Набокова (1964 г.), посвященный источникам эпитафий.

В 1970-80-е годы вопросом изучения эпитафий А.С. Пушкина занимались С.Г. Бочаров, М.П. Алексеев, Г.П. Макогоненко Ю.М. Лотман и др. В их монографиях и статьях этому посвящены целые главы.

Связь текста и эпитафия здесь анализируется с точки зрения их

тематической, жанровой и стилистической соотнесённости. Также уделяется внимание эпиграфу как составляющей пушкинского метатекста [6; с. 71]. В 1985 году А.В. Кулагин опубликовал диссертацию «Эпиграфы Пушкина». В ней разобрано развитие эпиграфической манеры Пушкина. Работа представляет собой разбор отдельных эпиграфов, а также формирование творческого подхода А.С. Пушкина к эпиграфу. Тем не менее, вне поля зрения литературоведа осталась особенность функционирования эпиграфа в тексте [18; с. 134].

Установленная таким образом задача исследования эпиграфов является особенно актуальной в свете современного литературоведения, которое установило проблему понимания содержания текстового материала.

1.4 Эпиграф как конкретное проявление интертекстуальности и формирования смысла произведения

Выделяют две главные функции эпиграфа – формоопределяющую и информативную. Взаимоотношения эпиграфа и текста могут строиться как на принципе согласования (смысл эпиграфа не противоположен семантике текста), так и на принципе полемики, рассогласования (смыслы эпиграфа и текста противоречивы). Разделить эти связи не всегда возможно, так как каждое отношение имеет момент полемики: писатель, привнося в идею, тему что-то своё, не может в чем-то не отвергать старое. Формирование темы иногда приводит автора к отвержению изначального тезиса – согласия с эпиграфом. Отношения контраста эпиграфа и текста могут быть более или менее ярко выражены. Прямое, явное несогласие обычно выявляется уже в первых строчках. Порой отношения полемики задаются внутренним контрастом двух эпиграфов к одному произведению. Эпиграф отражает содержательные данные, если задает тему, которую ловит и вырабатывает вытекающий за ним текст [7; с. 150].

Помимо содержательной информации, предсказывающей главные

концептуальные, сюжетные и тематические стороны художественного произведения, эпиграф может говорить читателю о форме последующего текста. Таким образом осуществляется формоопределяющая функция (в эпиграфе присутствуют ключевые слова и объединения слов, воздействующие на развитие эмоциональной и стилистической тональности текста; в тексте показаны слова того же семантического или ассоциативного поля, что и в эпиграфе) [3; с. 60].

Функция эпиграфа, наиболее характерная для стихотворных произведений – формоопределяющая. Чем меньше размер текста, тем больше значимость каждого его составляющего, тем сильнее внутритекстовые связи. Эта закономерность имеет отношение и к прозаическим произведениям: к примеру, в рассказах больше вероятности найти собственно языковые взаимоотношения текста с эпиграфом. Рассматривая эпиграфы в творчестве А.С. Пушкина, следует отметить, что функции его эпиграфа намного богаче. Так, можно подчеркнуть характерологические эпиграфы, хранящие в себе основное зерно, а оно проявляется в формировании характера героя. Это настоящая эстетическая функция эпиграфа, проявляющаяся в образе героев в развитии художественного обобщения [8; с. 45].

Эпиграф приобретает не просто значение, а значимость: цель его не сводится к буквальному содержанию, а затрудняется за счет зависимости с текстом-источником, с одной стороны, и новым текстом, частью которого он станет, – с другой. Эпиграф – связующее звено, «мостик» между писателем и уже имеющейся литературой, между читателем и автором. Эпиграф формирует читательское ожидание. Можно выделить три этапа осмысления эпиграфа:

- 1) восприятие, предварительно ориентирующее читателя;
- 2) соотнесение эпиграфа с текстом;
- 3) новая степень понимания эпиграфа, закрепляющая новые смыслы и расширяющая границы интерпретации [13; с. 137].

Эпиграф как «слово», находящееся перед текстом, несёт большой объем информации. А.С. Пушкин применял эпиграфы во всех жанрах: в лирике, поэмах, драмах, в романе в стихах, в прозаических произведениях, статьях, а также в письмах.

Эпиграфы в произведениях Александра Сергеевича Пушкина всегда выполняют очень значимую функцию, сообщая читателю главный смысл главы, они – своего рода визитные карточки его прозы. Широкая эрудиция разрешала Пушкину применять для своего повествования высказывания и стихи различных мыслителей, литераторов – российских и зарубежных. Стоит отметить, что с цитатами писатель обращался несколько легко, преобразовывая некоторые слова, переставляя фразы. Это является своего рода редакторской правкой [6, с. 99].

ГЛАВА 2. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ ЭПИГРАФОВ В ПРОЗЕ А.С. ПУШКИНА

Александр Сергеевич Пушкин часто употреблял эпиграфы в своих произведениях. Мы видим их в «Евгении Онегине», «Капитанской дочке», «Полтаве», «Каменном госте», «Повестях Белкина», «Пиковой даме», «Арапе Петра Великого», «Дубровском», «Египетских ночах», «Бахчисарайском фонтане», некоторых лирических произведениях. [19; с. 200].

2.1 Особенности художественной функции эпиграфов «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина»

В сентябре-октябре 1830 года, в Болдинскую осень, А.С. Пушкин написал «Повести покойного Ивана Петровича Белкина»:

- 1) «Гробовщик» – 9 сентября;
- 2) «Станционный смотритель» – 14 сентября;
- 3) «Барышня-крестьянка» – 20 сентября;
- 4) «Выстрел» – 14 октября;
- 5) «Метель» – 20 октября [18; с. 43].

Изначально писатель собирался издавать повести именно в порядке написания, но впоследствии две последние повести («Выстрел» и «Метель») были переставлены в начало списка.

«Повести Белкина» стали первым завершённым прозаическим произведением Пушкина, опубликованным в конце октября 1831 года. Вымышленный автор (П.П. Белкин), именем которого были объединены пять повестей, родился «от честных и благородных родителей в 1798 году в селе Горюхино <...> был росту среднего, глаза имел серые, волосы русые, нос прямой; лицом был бел и худощав, вел жизнь самую умеренную, избегал всякого рода излишеств; никогда не случалось видеть его навеселе, <...> к женскому полу имел он великую склонность, но робость была в нем

истинно девическая». Осенью 1828 года он «занемог простудною лихорадкою, обратившеюся в горячку, и умер...» [24; с. 45].

«Повести покойного Ивана Петровича Белкина», записанные им от различных сказителей, состоят из пяти частей: события «Станционного смотрителя» были поведаны ему титулярным советником А.Г. Н., «Выстрела» – подполковником И.Л. П., «Гробовщика» – приказчиком Б.В., «Барышни – крестьянки» и «Метели» – девицею К.И. Т.). Следовательно, настоящий автор этих произведений А. С. Пушкин скрывается за двойным рядом простодушных рассказчиков, и это ему дает большую свободу повествования, возможности для комизма и позволяет выразить свое отношение к этим историям и их участникам.

Герои всех пяти повестей являются жертвами шаблонного мышления. Вместо сознательности и ответственности существования они предпочитают подражание каким-либо образцам. Личную жизнь они строят согласно современным Пушкину литературным клише (сентиментальным и романтическим). Именно поэтому эпитафиями к каждой из повестей и всему циклу в целом становятся цитаты из известных произведений русской литературы:

- ко всему циклу повестей – из комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль»;
- к «Выстрелу» – из поэмы А.А. Баратынского «Бал» и из повести А. Бестужева-Марлинского «Вечер на бивуаке»;
- к «Метели» – из баллады В.А. Жуковского «Светлана»;
- к «Гробовщику» – из оды Г.Р. Державина «Водопад»;
- к «Станционному смотрителю» – из стихотворения П. Вяземского «Станция»;
- к «Барышне-крестьянке» – из поэмы И.Ф. Богдановича «Душенька».

В эпитафии ко всему циклу, строки которого взяты из комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль», содержится стилистический ключ ко всему

повествованию, а также намёк на лукаво-иронический подтекст каждой повести.

«Г-жа Простакова.

То, мой батюшка, он еще сызмала к историям охотник.

Скотинин.

Митрофан по мне» [24; с. 45].

Следует вспомнить, что Фонвизин привносит комизм в этот разговор, и комизм этот базируется на двух значениях слова «*история*»: положительные персонажи комедии, экзаменуя Митрофана по истории, имеют в виду науку. Простакова и Скотинин никакого понятия о существовании исторической науки не имеют: они знают лишь одно значение слова «*история*» – «происшествие, скандал, сплетня» (в разговорном языке).

Рассказывая бытовые истории, А.С. Пушкин неизменно насмехается над своими героями. Зачастую данная ирония оказывается горькой, так как герои чувствуют настоящую трагедию – и в этом, бесспорно, есть и их вина – их незащитность, слепота, неумение устоять под ударами судьбы. Случается это потому, что они стараются найти в жизненных перипетиях нечто известное им по народным пословицам или по книгам. Однако жизнь даёт иное: порой – намного сложнее, а иногда – проще [19; с. 190]. Именно в этом заключается значение эпиграфа ко всей книге: в нём присутствует игра слов, их книжного и разговорного значений.

В повести «Барышня-крестьянка» крайне важным является противопоставление истинного течения жизни её книжному описанию. Пушкин рассказывает известную по сентиментальным романам историю любви барина и крестьянки. На самом же деле это игра: главная героиня повести Лиза Муромская – барышня, изображающая из себя такую крестьянку, которую видит в книгах.

«Крестьянка» Лиза разговаривает с барином Алексеем совсем как барышня. Герой, который не привык церемониться с поселянками, хочет

обнять героиню, но она неожиданно принимает строгий и бездушный вид и отпрыгивает от него. Всё это смешит Алексея, но тем не менее удерживает его от последующих посягательств. Их тайные встречи приобретают совсем другой характер, и наконец ситуация разрешается благополучно: Алексей Берестов по-настоящему влюбляется в эту «книжную», ранимую девушку-крестьянку (едва ли он бы смог полюбить настоящую) и принимает решение жениться на ней.

Эпиграф к повести – строки из поэмы И.Ф. Богдановича «Душенька»: «Во всех ты, Душенька, нарядах хороша» [24; с. 85]

«Душенька» – весьма известное в первой трети XIX века произведение, созданное на основе греческого мифа об Амуре и Психее, изящная сказка, сравнимая с балетными спектаклями о прекрасных пастушках и пастухах, предающихся изысканным ощущениям на лоне природы. Поэма насмешлива и иронична.

Пушкин, предпослав строки Богдановича «Барышне-крестьянке», невинно шутит над своими персонажами. Эпиграф вселяет в читателя мысль о том, что терзания героев просты и напоминают красивую сказку, как и события, которые происходят в поэме «Душенька».

Эпиграф к повести «Станционный смотритель» – цитата из стихотворения П. Вяземского «Станция»:

«Коллежский регистратор,
Почтовой станции диктатор» [24; с. 75].

Пушкин слегка изменил цитату, назвав станционного смотрителя «коллежским регистратором», а не «губернским регистратором», как это было в оригинале.

Данные строки – некое общее мнение о станционном смотрителе, взгляд на него человека высокого социального положения.

Повесть «Станционный смотритель» – самое печальное и самое непростое произведение цикла. Это повесть о горькой судьбе Вырина и счастливой судьбе его дочери. Писатель с самого начала соединяет

скромную историю Самсона Вырина с философским значением всего цикла. Ведь у стационарного зрителя, который совершенно не читает книг, есть своя схема понимания жизни. Она отображена в картинках «с приличными немецкими стихами», которые развешаны на стенах его «смирной, но опрятной обители» [24; с. 76]. Рассказчик детально описывает данные картинки, описывающие библейское сказание о блудном сыне. На все выдавшееся ему и его дочери Самсон Вырин смотрит через призму этих картинок. Его жизненный опыт говорит ему, что с дочерью случится беда, она будет обманута и брошена. Он – игрушка, маленький человек в руках сильных мира, превративших деньги в главный критерий.

Ироническое название стационарного зрителя обладателем неограниченной власти, диктатором, побуждает Пушкина изобразить, как же действительно живет данному «диктатору», заявить новую для того времени мысль, что коллежский регистратор – «маленький человек», потерянный в жизни – достоин глубокого сострадания, что ему характерны те же чувства, что и людям высшего общества.

Так эпитафия сравнивается с текстом повести по контрасту и содействует передаче идеи повести [19; с. 450].

Эпитафия к повести «Метель» взята из баллады В.А. Жуковского «Светлана». В данной балладе автор рассказывает о том, как в крещенский вечер Светлана гадала о своем женихе. Неожиданно вошел сам жених и позвал её ехать венчаться. Они садятся в сани, кони мчат их через метель. На пути – храм, девушка входит туда и видит гроб с телом жениха. Но тут она пробуждается. Становится известно, что это сон, а наяву её любимый возвращается к ней.

Из данной баллады Пушкин взял отрывок в качестве эпитафии:

«Кони мчатся по буграм
Топчут снег глубокой...
Вот, в сторонке Божий храм
Виден одинокой.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Вещий стон гласит печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Вздывая гривы...» [24; с. 59].

Это описание не только по теме близко главному эпизоду в повести. Ведь как раз в результате метели Владимир не попал в церковь, отчего провалился замысел тайного венчания влюбленных. Гораздо существеннее сближение авторского взгляда к описанному в балладе Жуковского и повести Пушкина. В изображении метели передается беспокойное ощущение героини, все детали предвещают нечто злобное. Тут и снег, и черный ворон, и темная даль. Но читатель знает, что все несчастья в балладе – лживый сон; счастье – пробужденье. Именно это помогает нам понять, почему писатель рассказывает о муках влюбленных с иронией. Ведь влюбленность Марьи Гавриловны имела книжный характер: она была воспитана на французских романах и была влюблена. Возможно, читала также и балладу Жуковского. Недаром любовники были в переписке, клялись друг другу в вечной любви. Все это выражения книжные, взятые из сентиментальных романов, баллад и лирики той поры. Следовательно, этот эпиграф вносит определенную тональность в содержание и определяет общий художественный настрой произведения [13; с. 315].

«Гробовщик»:

«Не зрим ли каждый день гробов,
Седин дряхлеющей вселенной?» (Державин) [24; с. 69].

Вся повесть – это ироничная самопародия, под хмурым образом Гробовщика скрывается сам Пушкин, именно к нему явились «похороненные» им литературные герои. И какой смысл приобретают

тогда строки Державина, выбранные Пушкиным в качестве эпитафии: «Не зрим ли каждый день гробов, Седин дряхлеющей вселенной?» «Просвещенный читатель ведаёт, что Шекспир и Вальтер Скотт оба представляли своих гробокопателей людьми веселыми и шутливыми, дабы сей противоположностью сильнее поразить наше воображение. Из уважения к истине мы не можем следовать их примеру и принуждены признаться, что нрав нашего гробовщика совершенно соответствовал его ремеслу». Это не так: разве мистификатор Пушкин не следует той же традиции и его гробовщик, как и он сам не «весел и шутлив»?

«Выстрел»

«Стрелялись мы» (Баратынский);

«Я поклялся застрелить его по праву дуэли (за ним остался еще мой выстрел)» («Вечер на бивуаке») [24; с. 48].

Из первого эпитафия мы можем выделить:

– мотив ревности (в повести «Бал» хозяйка вечера, бывшая в связи с Сильвио, выбрала графа, что стало последней каплей, переполнившей чашу ненависти, ожесточения, зависти к более удачливому «конкуренту»);

– мотив бретёрства, сознательного оскорбления соперника, чтобы спровоцировать его на ответные действия, с целью вызвать на дуэль (Сильвио умышленно прошептал графу на ухо какую-то оскорбительную непристойность и получил пощёчину от графа).

Второй эпитафия взят из повести Марлинского (псевдоним декабриста Александра Бестужева) «Вечер на бивуаке», изданной в «Полярной звезде». В повести Марлинского подполковник Мечин стрелялся с одним офицером, дозволившим себе нескромность в разговоре о княжне Софье, возлюбленной Мечина. Мечин был ранен, почему и не мог воспользоваться своим правом выстрела. После выздоровления он узнаёт, что княжна Софья стала невестой его противника. Это приводит его в бешенство. «Я поклялся застрелить его по праву дуэли (за ним остался ещё мой выстрел),

– рассказывает Мечин, – чтобы коварная не могла торжествовать с ним».

2.2 Особенности художественной функции эпиграфов повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка»

Для раскрытия роли эпиграфов «Капитанской дочки» необходимо задуматься над её идейным содержанием. В повести показаны дворянский и крестьянский миры, сталкивающиеся между собой. Это разделение Пушкин находил важнейшим. Об этом свидетельствует следующее: А.С. Пушкин изучал материалы крестьянского восстания во главе с Пугачёвым, и только потом уже была написана «Капитанская дочка». В «Общих замечаниях» к собственной «Истории Пугачева» автор утверждал: «Весь чёрный народ был за Пугачева ...но тем не менее «мир дворянства» открыто был на стороне правительства».

Каждый из двух миров имел собственный бытовой уклад, особый строй мыслей, личную поэзию. Еще сентименталист А.Н. Радищев удивлялся, насколько чужды друг другу представители одной нации [15; с. 198]. Данную разницу Пушкин передаёт с помощью разнообразных художественных средств, одним из которых являются эпиграфы. Две группы, на которые они могут быть разделены, соответствуют двум представленным в повести сторонам русского быта.

В эпиграфах первой группы (мир крестьянства) отображается народное сознание. Они включают в себя слова из народных песен, пословицы.

Тексты другой группы эпиграфов (мир дворянства) взяты из русской литературы XVIII века: это цитаты из Княжнина, Хераскова. Пушкину было важно воспроизвести атмосферу дворянской культуры XVIII века. Кроме того, автор прибег к литературной мистификации и стилизации, выдав свои стихотворения за произведения Княжнина (в главе «Арест») и Сумарокова (в главе «Мятежная слобода»).

Согласно обозначенным выше группам, эпиграфы, предпосланные

главам, можно распределить так:

1) первая группа (мир дворянства):

а) из комедий Я.Б. Княжнина «Хвастун» (глава I, «Сержант гвардии») и «Чудаки» (глава IV, «Поединок»); стилизация под Княжнина (глава XIII, «Арест»);

б) из поэмы М.М. Хераскова «Россияда» (глава IX, «Разлука»; глава X, «Осада города»);

в) эпиграф «из Сумарокова», являющийся пушкинской стилизацией (глава XI, «Мятежная слобода»);

2) вторая группа (мир крестьянства):

г) из народных лирических и свадебных песен (глава II, «Вожатый»; глава III, «Крепость»; глава V, «Любовь»; глава VI, «Пугачёвщина»; глава VII, «Приступ»; глава XII, «Сирота»);

д) из пословиц (глава VIII, «Незванный гость»; глава XIV, «Суд»).

Рассмотрим каждую из них подробнее.

Из комедии Я.Б. Княжнина:

«– Был бы гвардии он завтра ж капитан.

– Того не надобно: пусть в армии послужит.

– Изрядно сказано! Пускай его потужит...

– Да кто его отец?» [12].

В первой главе повести («Сержант гвардии») выявляются основания необходимости несения воинской службы Петрушей Гринёвым: это его долг чести.

Эпиграф направляет на мысли о том, что ему, перед тем как ступить на жизненный путь, необходимо послужить, и что в главе немаловажную роль представляет фигура отца: он отправляет собственного сына в дальний гарнизон для того, чтобы тот испытал все тяжести армейской жизни.

Важность этого эпиграфа ещё больше раскрывается в конце произведения, когда Екатерина сохраняет жизнь Петру из-за заслуг его

отца. Эпиграф здесь выполняет также функцию предисловия. Художественное мастерство А.С. Пушкина выявляется в переходе от текста эпиграфа к тексту главы, начинающейся словами: «Отец мой Андрей Петрович Гринёв...».

Тема чести и долга затронута также и в двух остальных эпиграфах, объединённых именем Княжнина. Рассматривая эпиграф к IV главе («Поединок»), В. Шкловский отмечает его «сбавляющий» характер [31; с. 15]. Дуэль Гринева и Швабрина воспринимается насмешливо сквозь призму пародийной схватки из комедии Княжнина «Чудаки», которая цитируется в эпиграфе:

«– Ин изволь и стань же в позитуру.

Посмотришь, проколю как я твою фигуру!» [12].

Герои комедии не могут понять друг друга, так как в представление чести вкладывают узкословный смысл, обусловленный их социальной принадлежностью. В «Поединке» так же, как и в комедии Я.Б. Княжнина, отношение к дуэли показывает разные мнения персонажей о чести и долге.

В семействе капитана Миронова все не одобряют дуэли не только из-за того, что «дуэли формально воспрещены в воинском артикуле», но и из-за того, что для Мироновых непонятна её моральная подоплека.

Дуэль – важное сюжетное звено в «Капитанской дочке». Благодаря соотнесенности эпиграфа с текстом главы строится пересечение разнообразных точек зрения на данное событие. Для Василисы Егоровны дуэль – «смертоубийство», ничем не оправданное «душегубство». Для матерого солдата Ивана Игнатьевича – это легкомысленное развлечение, которому противопоставлена смерть в сражении: «Люди дерутся, что за невидальщина, смею спросить? Слава богу, ходил я под шведа и под турку: на все насмотрелся».

Эпиграф к XIII главе («Арест») представляет собой, как считают исследователи, подражание комедийному стилю Княжнина:

«Не гневайтесь, сударь: по долгу моему

Я должен сей же час отправить вас в тюрьму,
– Извольте, я готов; но я в такой надежде,
Что дело объяснить дозволите – мне прежде» [25].

Так как в данном случае отсутствует прямая цитата, но указан «автор» «цитируемого» текста, становится ясно, что Пушкину важно было направить читателя на обычай, связанный с именем Княжнина.

Так же, как каноническое для просветительской литературы понятие долга, эпитафия «из Княжнина» порождал у читателя постоянные ассоциации. В их свете поведение Петра после возвращения из Белогорской крепости всецело отвечало его соображению о воинском долге, воспитанном в отцовском доме. Эпитафия представлен в виде диалога, который перекликается с последним диалогом Зурина и Гринева перед арестом Петра. Ощущение собственного достоинства, с которым герой встречает несчастье, ассоциируется в сознании читателя с поведением благородных персонажей Княжнина.

Три эпитафии, связанные именем прославленного драматурга XVIII века, помогают проследить идейно-нравственные соображения пушкинского героя. При приближении опасности Петруша Гринев следует в личном поведении заветам отца. Кодекс чести родового дворянского семейства понимается им не как навязчивая мораль, а как прямая инструкция к действию. Собственной офицерской присяге герой остается предан до конца своей жизни. Семейное предание обрело свою силу.

Из поэмы М.М. Хераскова «Россияда»

«Сладко было спознаваться
Мне, прекрасная, с тобой;
Грустно, грустно расставаться,
Грустно, будто бы с душой» [29].

Эпитафия тут формирует эмоциональный настрой: когда читаешь его, появляется чувство тоски, с которой всегда сопряжено расставание влюблённых. В данной тональности выдержана 9 глава полностью; хмурые

думы тревожили Гринева, думающего о том, как помочь бедной Марье Ивановне, как высвободить ее из рук Швабрина. Следовательно, эмоциональный (элегический) настрой, заданный эпиграфом, и эмоциональный настрой главы сходятся.

Глава X («Осада города»).

Поэма Хераскова, безусловно, пример классицистической эпической поэмы. Избрание жанра определяло героическое в описании исторических событий и персонажей. Поэма была посвящена Екатерине II, и поступки государыни-«завоевательницы Юга» ассоциативно связывались с историческим походом Ивана Грозного на Казань. Персонажи поэмы – царь-воин, возглавивший поход, и его отважные советники, и храбрые военачальники, горящие любовью к Отечеству. Все они – ратоборцы, вступающие в бой с врагом. Воспевая подвиги предков, Херасков воздавал похвалу «Второй Екатерине» и ее военачальникам.

В. Коровин считал, что «эпиграфы, касающиеся Пугачева, взяты из таких стихотворений, в которых строчкой позже или строчкой раньше упоминается слово «Российский царь» [6; с. 73].

В «Россияде» видим:

«Меж тем Российский царь,

Заняв луга и горы,

С вершины, как орёл,

бросал ко граду взоры» [29].

Однако Пушкин немного видоизменяет данные строки:

«Заняв луга и горы,

С вершины, как орел, бросал на град он взоры.

За станом повелел соорудить раскат,

В нем перуны скрыв, в ночи привести под град» [25].

Следовательно, в контексте X главы неточная цитата из «Россияды» намекает на царственный, величественный облик Пугачёва.

Более того, данные строки рожают и иные ассоциации. Возвышенное начало поэмы вступает в открытое противоречие с иронически-сниженным изображением деяний «оренбургского генералитета», из двух способов действия «противу мятежников» – «атакующего» или «оборонительного» – избирающего «действие оборонительное» как более правильное и безвредное.

Так же, как во второй песне «Россияды», важнейший эпизод главы «Осада города» – заседание военного совета. Ассоциация тем более бесспорна, что оренбургский «генерал» сообщает о «безопасности провинций», «вверенных» ему «ее императорским величеством, всемилостивейшей <...> государыней».

Но в «Капитанской дочке» сцены «знаменитого совета» показываются пародийно. Основным «стратегом» является «толстый и розовощёкий старичок в глазетовом кафтане», рекомендующий действовать «ни наступательно», «ни оборонительно», а «подкупательно». В сознании читателя случается переакцентировка ассоциаций, свойственных героической поэме XVIII века: «Все полагали, что разумнее оставаться под заслоном пушек за крепкой каменной стеною, нежели на открытом поле испытывать счастье орудия».

Эпиграф «из Сумарокова». Второй эпиграф, касающийся Пугачева, предшествует следующей, XI главе («Мятежная слобода») [25]:

«В ту пору лев был сыт, хоть сроду он свиреп.

Зачем пожаловать изволил в мой вертеп?

– Спросил он ласково» (А. Сумароков).

Эти строки – можно сказать, литературная мистификация. Он «придуман самим Пушкиным, мастерски имитировавшим стиль басен Сумарокова» [8; с. 76]. Стилизация в духе сумароковских притч намеренна. Пушкину важен был характер жанра, в котором возникает образ льва. Но у Сумарокова не нашлось строк, которые отвечали бы контексту повести. Сообразно обычаю, лев в притчах Сумарокова всегда –

тиран и деспот, который в своих взаимоотношениях с другими зверями следует только праву кровожадной силы. В басне «Лев, притворившийся больным», к примеру, звери идут проведать больного льва, чтоб «воспринять последнее прощенье».

«Лисица не пришла к нему,
Причиною тому,
Что множество зверей к нему в лес темный входит,
И ни одна душа оттоле не выбродит» [25].

Пушкину необходимо было подчеркнуть (и анализ черновика указывает на этот замысел) особенный эмоциональный настрой басенного героя. Эпиграф «из Сумарокова» является кодом к пониманию главы и, главным образом, – к пониманию поведения Пугачева. Размышление читателя направлено по заведомо неверному пути и приходит в прямое столкновение с логикой нрава Пугачева «Капитанской дочки».

В контексте главы «Мятежная слобода» эпиграф формирует эффект обманутого ожидания. Имя Сумарокова тут – такой же знак неизменной традиции, как и избрание жанра притчи. А.П. Сумароков являлся автором «проклинательных» стихов в адрес Пугачева:

«Сей варвар не щадил ни возраста, ни пола.
Пес бешеный, что встретит, то грызет.
Подобно так на луг из блатистого дола
Дракон, шипя, ползет» [26].

Стилизация сумароковской притчи в сознании читателя ассоциировалась с обликом «кровожадного злодея», каким казался Пугачев в поэзии и прозе XVIII – начала XIX вв. Намеренно в этой главе начинается спор пугачевских «енаралов» об участии Гринева, оказавшегося в «мятежной слободе». Белобородов, изрекая недоверие ко всем дворянам, предлагает разделаться и со Швабриным, и с Гриневым. Хлопуша оказывается благороднее: «Полно, Наумыч, – говорит он ему. – Тебе бы все душисть да резать. Что ты за богатырь? Поглядеть, так в чем душа

держится. Сам в могилу смотришь, а других губишь». Это внезапное заступничество тем более значимо, что идёт от «ссылного преступника». Поэтическая образность народной разбойничьей песни придает облику отважного сподвижника Пугачева эпический характер; «Конечно, – отвечал Хлопуша, – и я грешен, и эта рука (тут он сжал свой костлявый кулак и, засуча рукава, открыл косматую руку), и эта рука повинна в пролитой христианской крови. Но я губил супротивника, а не гостя; на вольном перепутье, да в темном лесу, не дома, сидя за печью, кистенем и обухом, а не бабьим наговором».

В словах Хлопуши проявилось народное изображение чести «благородного разбойника» – одного из наиболее поэтических лиц русского фольклора. В соответствии с данным представлением разбойнику ставится в заслугу не скорая расправа, а «удаль молодецкая», сочетающаяся с благородной добротой правильного народного Героя.

Следовательно, благородство Пугачева в «Капитанской дочке» – не редкое свойство одного лишь вожатого, а отличительная черта русского народного характера, олицетворением которого являются пугачевцы. «Ласковость» Пугачева, его добросердечие и великодушие в главе «Мятежная слобода» не переходят в свою противоположность, как это бывает в притчах, повествующих о «львах».

«Необычные отношения», соединившие Гринева с Пугачевым, вносят поправку в те традиционные суждения, связанные с именем Сумарокова и в духе которых воспитывается герой Пушкина.

Эпиграфы из народных лирических и свадебных песен [25]:

«Сторона ль моя, сторонушка,

Сторона незнакомая!

Что не сам ли я на тебя зашёл,

Что не добрый ли да меня конь завёз:

Завезла меня, доброго молодца,

Прыткость, бодрость молодецкая

И хмелинушка кабацкая» (Глава II («Вожатый»)).

Эпиграф отмечает главные тезисы главы: персонаж оказывается в чужой стороне, из-за своих оплошностей без денег, в пурге, судьба сталкивает не только с ненастьем, но и с вожатым, который затем окажется Пугачёвым. Бунтовщик спасёт Гринёва и исполнит и великодушную, и роковую роль в его участи.

Заглавия нескольких глав пушкинского романа восходят к наиболее повторяющимся лирическим ситуациям народных песен о любви: «Любовь», «Разлука», «Сирота». Судьба главных персонажей, Петра Гринёва и Марии Мироновой, проецируется на поэтический контекст русской народной лирики. Эпиграфы, являющиеся цитатами из народных песен, «дают ключ к восприятию героев» [6; с. 148], становятся выражением их возвышенных эмоций, подчеркивают их преданность друг другу в самых тяжелых жизненных испытаниях.

Обратимся к эпиграфам V главы повести («Любовь»).

«Ах ты, девка, девка красная!
Не ходи, девка, молода замуж;
Ты спроси, девка, отца, матери,
Отца, матери, роду-племени;
Накопи, девка, ума-разума,
Ума-разума, приданова» [25];
«Буде лучше меня найдёшь, позабудешь,
Если хуже меня найдёшь, вспомянешь» [25].

Эти два эпиграфа для Петра оказываются несчастливými предвестниками. Мария не выйдет замуж за Гринёва: ей необходимо, чтобы брак был освящён благословением. Она беспокоится не только о себе, но и о Петруше, т. к. понимает, что в грядущем он не будет счастливым без родительской любви. Второй же эпиграф изображает чувства героини: Мария понимает, что нужно прекратить отношения. Её сердце заполнено болью и мучением.

Глава XII («Сирота»):

«Как у нашей у яблонки

Ни верхушки нет, ни отросточек;

Как у нашей у княгинюшки

Ни отца нет, ни матери.

Снарядить-то её некому,

Благословить-то её некому» [25].

Смысл эпиграфа, сопоставленный с содержанием главы, заключается в том, что Марья Ивановна беззащитна пред злодейством, всецело зависит от благосклонности духа убийцы ее отца и матери, который всегда оказывался жестоким и к дворянским детям. И смелый, горячо ее любящий, согласный за нее отдать жизнь Петр в этом случае сильно рискует, втягивая Пугачева в союзники по вызволению возлюбленной из крепости, которую возглавляет Швабрин.

Парадокс как раз в том и состоит, что «снарядить» Марью Ивановну – то есть благословить ее на супружество с Петром и дать ей и ее жениху «пропуск во все заставы и крепости, подчинённые ему» – необходимо тому, кто виноват в её сиротстве.

Анализ изображает, что данные эпиграфы – составная часть характеристики действующих лиц повести. Вместе с тем, возведённые в один ряд, они приносят своего рода микрофабулу одной из важнейших сюжетных линий «Капитанской дочки», создавая особенный стилистический пласт творения.

Есть надлежащая логика и в последовательности эпиграфов, которые относятся к Марье Мироновой. В них цитаты из лирических песен о любви стоят перед свадебной песней, как это было в жизни любой крестьянки от посиделок до свадьбы.

Анализ показал, что эпиграф к главе «Сирота» становится своего рода результатом темы, которая задана в начале романа. Эта тема устанавливает отбор характерных деталей в мемуарах писателя. Одно из

первых впечатлений Петруши от знакомства с жилищем коменданта запечатлело в его памяти лубочные картинки, которые красовались недалеко от офицерского диплома. Сюжет одной из этих картин – «выбор невесты». При встрече Петра с Марьей Василиса Егоровна представляет свою дочку как невесту-бесприданницу. В данной материнской характеристике капитанская дочка кажется простой крестьянской девушкой, будущим которой озабочена малоимущая родня: «Одна беда: Маша – девка на выданье, а какое у неё приданое? Частый гребень, веник, да алтын денег (простит меня бог!), с чем в баню сходить. Хорошо, если найдется добрый человек, а то сиди себе в девках вечной невестой». Свадебная тема появляется и в первом эпиграфе к V главе:

«Ах ты, девка, девка красная!
Не ходи, девка, молода замуж,
Ты спроси, девка, отца, матери,
Отца, матери, роду-племени.
Наколи, девка, ума-разума,
Ума-разума, приданова.
Песня народная» [25].

Прямое продолжение темы – сцена расставания Марьи с отцом, когда капитан Миронов пред смертью благословляет собственную дочь так, как мог бы благословить ее на свадьбе: «Ну, Маша, будь счастлива. <...> Если найдется добрый человек, дай бог вам любовь да совет. Живите, как жили мы с Василисой Егоровной».

Гринев приезжает в Белогорскую крепость из осажденного Оренбурга за невестой, и Пугачев сразу предлагает: «Да мы тебя женим и на свадьбе твоей попируем!»

В главе «Сирота» в соответствии с эпиграфом взаимоотношения молодых героев с Пугачёвым окрашены песенной лирической интонацией. В словах Пугачева – реминисценции свадебной народной лирики: «Вызволили красную девицу!», «Закутим, выпьем – и ворота запрем!».

«Возьми себе свою красавицу, вези ее куда пожелаешь, и дай вам бог любовь да совет». Песенная характеристика в этом случае сближает героиню повести с неожиданным посаженным отцом. Литературоведы много раз устремляли внимание на соотнесенность эпиграфа и заглавия XII главы с сюжетной канвой романа [15; с. 56]. Подчеркнутая в эпиграфе и сюжете обрядовая ситуация (родительское благословение молодых на свадьбе) вводит в контекст романа целую последовательность важных смысловых ассоциаций. В соответствии с народными обычаями участники свадебного обряда связаны особыми обрядовыми взаимоотношениями, которые позднее на каждого из них накладывают взаимные обязательства родственного характера. После свадьбы между посаженными родителями и молодыми возникают прочные семейные узы. В «Капитанской дочке» условная обрядовая ситуация становится сюжетным узлом.

«Неожиданные происшествия» объединяют неразрывно не только влюбленных, но и дворянский род Гриневых с вождем крестьянского восстания. Пугачев – вожатый и посаженный отец – благословляет новобрачных и дарит им волю, а Гриневы берегут благодарную память о нем до конца своих дней, передавая ее как душевную эстафету своим детям и внукам.

Эпиграфы из пословиц.

Глава VIII («Незванный гость»)

«Незванный гость хуже татарина» (Пословица).

Использованная как эпиграф пословица в сжатой форме показывает происходящее в главе. Пословица прибыла к нам из тех времён, когда еще помнили о многочисленных татарских набегах, приносивших простому народу разорение и разлуку. Гость, которого не звали, гость нежеланный, оказывается ещё хуже. А Пугачёв, пируя, как бы пришёл в гости туда, куда нередко ходил и Гринёв, и тому оставалось лишь вспоминать, каким было это место в мирное время, между тем как по крепости сновали мятежники и грабили офицерские дома.

Глава XIV («Суд»):

«Мирская молва – морская волна» (Пословица).

Пословица сообщает о том, что мирская молва, то есть вести и пересуды людей – это вещь непостоянная, как морская волна. В этой главе Гринева провозглашают шпионом Пугачева. Императрица поверила «молве», слухам, и определяет Гриневу в наказание высылку в Сибирь. Отец Гринева тоже верит «мирской молве», то есть слушкам о том, что его сын – пособник Пугачева.

О главном эпиграфе ко всему произведению в целом:

«Береги честь смолоду» (Пословица).

Остается рассказать об эпиграфе ко всей повести в целом: «Береги честь смолоду. Пословица». Данная пословица, как известно, воспроизводится в тексте «Капитанской дочки». В развернутом виде ее произносит отец Петруши, давая отцовское наставление сыну перед военной службой: «<...> помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду». В устах Андрея Петровича Гринева данные слова становятся формулированием нравственного кодекса русского дворянства, который воспитан в духе просветительских идей XVIII века. Преданность данному сословному кодексу как драгоценное семейное наследие переходит от отца к сыну.

Тем не менее, та же самая пословица, которая в качестве эпиграфа предшествует «Капитанской дочке», получает в контексте повести новый смысл. Слова «береги честь смолоду» проецируются на нравственный опыт Петруши, опыт, не только переданный семейной традицией, но и завоёванный героем в пекле пожара крестьянской войны. Честь, сбереженная смолоду, позволяет Гриневу быть честным свидетелем, выступившим в защиту «одного из самых поэтических лиц в русской истории» в то время, когда в дворянской среде еще не прекращались «проклинательные» стенания в адрес Пугачева.

Следовательно, мы видим, что эпиграфы в повести А.С. Пушкина

обладают значительной смысловой нагрузкой, являются обращением к читателю, создают атмосферу, изображают авторский взгляд, становятся единым целым со всем романом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эпиграфы у А.С. Пушкина – органическая часть повествования, приоткрывающая его внутренний смысл. Все функции эпиграфа, обозначенные нами, реализованы в произведениях автора. Содержательная информация, обычно лежащая на поверхности трактовки, присутствует в эпиграфах Пушкина, при том за ней часто спрятан значимый содержательный аспект. Она ни разу не была показана обособлено, а всегда в функциональном комплексе.

Концептуальная функция в целом не присуща для А.С. Пушкина. Если же писатель подчеркивал её значительность в тексте, она, бесспорно, несла преобладающий характер (к примеру, главный эпиграф «Капитанской дочки» или «Повестей Белкина» и т.д.).

Оценочная функция имеется почти во всех эпиграфах. Субъективная оценка происходящего выражается у А.С. Пушкина по-разному, зачастую эпиграф является выражением настроений самого писателя в момент создания произведения или иронии, которая может быть добродушной с частью трагизма или злой, шутливой или даже издевательской.

Эпиграфы зачастую говорят о любимом приеме Пушкина: симметричной композиции произведения. Структурообразующая функция наблюдается в достаточном количестве эпиграфов, особенно ярко воплотившись в системе эпиграфов «Капитанской дочки», в повести «Метель».

В качестве доминирующей нигде не отмечена функция, воздействующая на лексико-стилистический строй произведения или его главы. Она есть почти во всех эпиграфах, где-то воплощаясь насыщенно (чаще в стихотворных текстах), где-то глубоко скрываясь (чаще в прозе). Зачастую появлялась необходимость находить её во всём тексте произведения, а не только в определенной главе.

Выделение метатекстовой функции эпиграфов являлось

приоритетной задачей работы. Мы проследили культурно-исторические отношения, раскрытию которых содействовали эпиграфы, временами отсылающие не только к какому-то тексту, но и к творчеству отдельного автора в целом или к поэтической традиции. Внутри метатекстовой функции имеются иные функции, которые связаны с процессом творчества, с нравственными, философскими вопросами, с особенностями представления современного мира, с системой детерминированности всего существующего, которое открывается пушкинскому разуму, с наполнением особым значением слова, которое превращается в символ. Эпиграфы необходимы писателю, чтобы осуществить и закрепить в отдельном произведении всеобщую системность, замкнутость, всеобщую целостность.

Функциональный разбор позволил в большей степени понять, воспринять весь объем эпиграфа; какие тематические, идейные, подтекстовые, структурные, метатекстовые элементы он в себе заключает. Любой эпиграф сочетает в себе несколько функций. Он полифункционален. В эпиграфе из Жуковского к «Метели» и в эпиграфе-пословице к роману «Капитанская дочка» воплощен весь функциональный комплекс.

Время от времени А.С. Пушкин указывает автора источника без упоминания названия его произведения, а иногда напротив, «пренебрегает» авторством. Данное указание/неуказание источника связано с уровнем его распространенности, узнаваемости, с закреплением какого-либо общего обстоятельства в русской литературе или с условиями, когда важен не источник сам по себе, а особенность ситуации. Это вопрос эстетический. А.С. Пушкин не делал установку на наше восприятие, а давал собственную творческую концепцию. Читательская память – главное средство установления диалогических связей. От качества данной памяти напрямую зависит, как широко и полно будет развернута цитата. Посредством этого «контакта» читатель выходит на особенный уровень понимания, замысел

писателя становится понятным.

Мистифицированный эпиграф обладал различным характером (видоизменение текста источника; пропуск слов, строк, в результате чего менялось значение самой фразы). В таком эпиграфе всегда намечался элемент игры с читателем, это своего рода авторский обман. Изменения текста эпиграфа были фактически точными или были направлены на достижение некоторой художественной цели. Среди мистификаций выделяются стилизованные эпиграфы, когда Пушкин придумывал эпиграф, подписываясь именем конкретного писателя: к примеру, имитировал стиль «Притчей» А. Сумарокова, комедий Я.Б. Княжнина, народной песни и др.

Эпиграф – это малый жанр, элемент жанра более крупного. Этот предельно сжатый жанр является связующим звеном между системой культуры его контекста и того произведения, в который он включен. Эпиграф содействует усилению смысла текста. Он фокусирует в себе смысл этого произведения и выводит текст на более высокий уровень толкования. Следовательно, наше исследование доказало, что А.С. Пушкин обладал особым чувством эпиграфики. Пушкинские эпиграфы – доказательство того, что картина мира автора изображалась не изолированной, а всегда в системе мировых взаимоотношений, общечеловеческих проблем. Эпиграф является показателем масштабности творчества автора, глубины его произведений, личной культуры поэта, выражением его взглядов и идей. Пушкинский эпиграф доказывает философско-эстетический принцип: «в малом – великое».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бестужев-Марлинский А. А. Аммалат-бек / А. А. Бестужев-Марлинский // Lib.ru : [сайт]. – 2015. – URL: http://az.lib.ru/b/bestuzhewmarlins_a_a/text_0200.shtml (дата обращения: 15.05.2020).
2. Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина / С. Г. Бочаров. – Москва : Наука, 1974. – 345 с.
3. Виноградов В. В. Стиль Пушкина / В. В. Виноградов. – Москва : Гос. изд-во худож. лит., 1941. – 620 с.
4. Виноградов В. В. Язык Пушкина / В. В. Виноградов. – Москва : Гос. изд-во худож. лит., 1935. – 168 с.
5. Гессен А. И. «Любовь к родному пепелищу...». Этюды о Пушкине / А. И. Гессен. – Москва : Алгоритм, 2015. – 351 с. – ISBN 978-5-906789-74-7.
6. Гроссман Л. П. Цех пера. Статьи о литературе / Л. П. Гроссман. – Москва : Федерация, 1930. – 101 с.
7. Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля / Г. А. Гуковский. – Москва : Гослитиздат, 1957. – 414 с.
8. Дегожская А. С. «Капитанская дочка» в школьном изучении / А. С. Дегожская. – Ленинград : Просвещение, 1971. – 127 с.
9. Домашнев А. И. Интерпретация художественного текста / А. И. Домашнев. – Москва : Просвещение, 1989. – 204 с. – ISBN 5-09-000959-7.
10. Карамзин Н. М. Избранные сочинения. В 2 т. Т. 2. Стихотворения : Критика : Публицистика / Н. М. Карамзин. – Москва ; Ленинград : Художественная литература, 1964. – 591 с.
11. Карамзин Н. Нечто о науках, искусствах и просвещении / Н. Карамзин // Lib.ru : [сайт]. – 2009. – URL: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0440-1.shtml (дата обращения: 15.05.2020).

10.05.2020).

12. Княжин Я. Б. Хвастун / Я. Б. Княжин // Lib.ru : [сайт]. – 2017. – URL: http://az.lib.ru/k/knjazhnin_j_b/text_0020.shtml (дата обращения: 17.05.2020).

13. Коровин В. Я. Пушкин в школе / В.Я. Коровин. – Москва : Наука, 1998. – 276 с. – ISBN 5-7804-0035-0.

14. Красухин Г. Г. В присутствии Пушкина / Г. Г. Красухин. – Москва : Советский писатель, 1985. – 256 с.

15. Кржижановский С. Искусство эпитафия. / С. Кржижановский // Литературная учеба. – 1998. – №3. – С. 16–25.

16. Кухаренко В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – Москва : Просвещение, 1988. – 275 с. – ISBN 5-09-000675-X.

17. Лейдерман Н. Л. Введение в литературоведение / Н. Л. Лейдерман. – Екатеринбург : Наука, 1991. – 432 с. – ISBN 978-5-7695-5814-6.

18. Лотман Ю. М. Воспитание души : Воспоминания. Беседы. Интервью / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2003. – 621 с. – ISBN 5-210-01575-0.

19. Лотман Ю. М. Пушкин / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2003. – 847 с. – ISBN 5-210-01483-5.

20. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – Москва : Искусство, 1970. – 384 с.

21. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 8000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова. – Москва : Азбуковник, 1997. – 944 с. – ISBN 978-5-9900358-6-7.

22. Оксман Ю. Г. Временник Пушкинской комиссии / Ю. Г. Оксман. – Ленинград : Изд-во Акад Наук, 1977. – 205 с.

23. Петрова Т. С. Анализ художественного текста и творческие работы в школе / Т. С. Петрова. – Москва : Академический проект : Мир,

2002. – 286 с. – ISBN 5-7611-0313-3.

24. Пороков С. Ю. Типические характеры в произведениях А. С. Пушкина : монография / С. Ю. Пороков. – Москва : ИНФРА-М, 2013. – 182 с. – ISBN 978-5-16-006596-0.

25. Пушкин А. С. Капитанская дочка : избранная проза / А. С. Пушкин. – Москва : Эксмо, 2007. – 557 с. – ISBN 978-5-699-21443-3.

26. Сумароков А. Станс граду Синбирску на Пугачева / А. Сумароков // РуСтих : [сайт]. – 2014. – URL: <https://rustih.ru/aleksandr-sumarokov-stans-gradu-sinbirsku-na-pugacheva/> (дата обращения: 10.05.2020).

27. Томашевский Б. В. Пушкин : Современные проблемы историко-литературного изучения / Б. В. Томашевский. – Ленинград : Образование, 1925. – 134 с.

28. Фесенко Э. Я. Теория литературы : учеб. пособ. / Э. Я. Фесенко. – Москва : Академический проект : Мир, 2008. – 780 с. – ISBN 978-5-8291-0912-7.

29. Херасков М. М. Россиада / М. М. Херасков // Lib.ru : [сайт]. – 2009. – URL: http://az.lib.ru/h/heraskow_m_m/text_0010oldorfo.shtml (дата обращения: 18.05.2020).

30. Храмченков А. Г. Эпиграф как особый вид цитации / А. Г. Храмченков // Взаимодействие структурного и функционально-стилистического аспектов языка. – Минск, 1983. – С. 96–103.

31. Шкловский В. Б. Заметки о прозе Пушкина / В. Б. Шкловский. – Москва : Советский писатель, 1937. – 142 с.

32. Штерн М. С. Символика художественного пространства / М. С. Штерн // Русская литература XX века: направления и течения : сборник. – 1998. – С. 62–69.

33. Якубович Д. П. Временник Пушкинской комиссии / Д. П. Якубович. – Ленинград : Наука, 1963. – 205 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Методические рекомендации

Тема урока: Роль эпиграфов в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка»

(урок в 8 классе)

Цели:

1. Демонстрация многофункциональности эпиграфа в литературном произведении.
2. Развитие навыка самостоятельной работы с текстом, словарями, дополнительной литературой, в Интернете.
3. Формирование нравственных критериев, связанных с понятиями «честь», «национальное самосознание».
4. Обучение общению в ситуации диалога.

Таблица 1 – Эпиграфы в романе «Капитанская дочка»

Фольклорные		Литературные			
Пословицы	Народные песни	Сумароков	Княжнин	Фонвизин	Херасков
Ко всему роману, гл. VIII, XIV	Гл. II, III, V, V,VI, VII, XII	Гл. XI	Гл. I, IV, XIII	Гл. III	Гл. IX,X

Вопросы семинара (даются за 2 недели до проведения).

1. Понятие эпиграфа. Роль эпиграфа в творчестве А.С. Пушкина.
2. Литературные эпиграфы в повести «Капитанская дочка», их особенности и роль в тексте.
3. Фольклорные эпиграфы в повести, их своеобразие и роль в произведении.

Ход урока.

Вступительное слово учителя: «Нам сегодня предстоит выяснить

роль эпиграфов в повести «Капитанская дочка», их своеобразие, идейное содержание. Наши исследовательские группы много работали, нашли разнообразную информацию. И, я думаю, нам сегодня будет интересно на уроке, нас сегодня ждет много неожиданных открытий, которые помогут вам понять не только произведения А.С. Пушкина, но и других писателей».

*Понятие эпиграфа. Роль эпиграфа в творчестве А.С. Пушкина
(Выступления учеников).*

Эпиграф – короткий текст, помещаемый автором перед своим сочинением или его частью. Как правило, эпиграф представляет собой цитату из какого-либо источника-литературного произведения, произведения фольклора, философского трактата и т.д. В афористической краткой форме эпиграф часто выражает суть основной коллизии, темы или настроения произведения, определяя во многом характер восприятия.

Эпиграф относится к числу необязательных элементов литературного произведения. Именно поэтому эпиграф в случае применения несет важную смысловую нагрузку.

А.С. Пушкин часто использовал эпиграфы как вид авторского выражения. Мы встречаем эпиграфы в «Полтаве», «Каменном госте», «Повестях Белкина», «Пиковой даме», «Евгении Онегине» и др. Традиционно А.С. Пушкин берет эпиграфы из литературных источников, при некоторых даны ссылки на частные письма, светскую болтовню. Нередко эпиграфы даны на французском языке.

Характер эпиграфов в «Капитанской дочке» интересен, необычен для поэта: из 17 эпиграфов 10 заимствованы из фольклора. Эпиграфы подобраны к каждой главе и ко всему роману, то есть составляют систему. О том, что система эпиграфов гармонирует с идейным содержанием, говорится в конце повести: «Мы решились, с разрешения родственников, издать её особо, приискав к каждой главе приличный эпиграф...»

Литературные эпиграфы в повести, их особенности и роль в тексте.

(выступления учеников).

Авторами литературных эпиграфов являются известные писатели XVIII века.

М.М. Херасков (1733 – 1807) – поэт, автор героической эпопеи «Россияда», рассказывающей о взятии Иваном Грозным Казани. Поэма интересна аллегоричностью. В произведении воплощена идея национального самосознания. Д.И. Фонвизин (1744- 1792) – драматург, автор комедий «Бригадир», «Недоросль», обличающих развратившееся дворянство, крепостническую систему в России. Произведения Фонвизина проникнуты просветительскими идеями. Герои комедий стали нарицательными персонажами.

А.П. Сумароков (1717 – 1777) – поэт, драматург, теоретик и практик классицизма, создавший образцы всех литературных жанров этого направления в искусстве. Автор 9 трагедий, среди которых самые известные – «Дмитрий Самозванец», «Мстислав».

Комедии Сумарокова сопоставимы с моральными уроками, лечащими зрителя смехом, возбуждающими их чувствительность. Драмы Сумарокова – основа театра XVIII века.

В поэтическом наследии важное место занимают песни. Оригинальны также его басни, притчи.

Я.Б. Княжнин (1742-1791) – переводчик, драматург, автор трагедий «Владимир и Ярополк», «Рослав», комедий «Рыбак и дух», оперы «Несчастье от кареты». Особо популярна среди декабристов была его тираноборческая пьеса «Вадим Новгородский».

Литературные эпиграфы воссоздают литературную атмосферу XVIII века, эпоху XVIII века.

Гл. I «Сержант гвардии».

Эпиграф – квинтэссенция основного содержания главы, он передает

дух рассказа, его тональность. Своеобразно Пушкин переходит от эпиграфа к повествованию.

«Да кто его отец?» (Княжнин) – «Отец мой, Андрей Петрович Гринев...».

Это подчеркивает важность эпиграфа. Не для красного словца Пушкин подобрал эпиграф к каждой главе, он преследует другую цель – углубить идейное содержание произведения.

В эпиграфе обозначена позиция отца Петра Гринева, верного служаки при графе Минихе. Каждый дворянин, по мнению Андрея Петровича, должен служить Отечеству: «...пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает пороху, да будет солдат, а не шаматон», «Служи верно, кому присягнешь...».

Эпиграф намечает судьбу главного героя.

Кроме того, в нем воплощается мнение, что воинская служба почетна, говоря современным языком, престижно. Сравните с высказыванием Петра Гринева: «Я воображал себя офицером гвардии, что, по мнению моему, было верхом благополучия человеческого».

Гл. III «Крепость».

Эпиграф, взятый из Фонвизина, подчеркивает устаревшие, устоявшиеся, патриархальные взгляды капитана Миронова и его жены Василисы Егоровны. Образы их в начале повествования показаны в мягких, юмористических тонах, эту манеру повествования и подчеркивают строки «Старинные люди, мой батюшка».

Гл. IV «Поединок».

Эпиграф из Княжнина с легким оттенком юмора сводит на нет всю драматичность предстоящей дуэли между Гриневым и Швабриным. Пушкин будто подсмеивается над юношеской несдержанностью своего героя. В эпиграфе употребляются профессиональные термины дуэлянтов «позитура», «фигура».

Гл. IX «Разлука».

Стихи Хераскова наполнены нежностью, лиризмом. В них будто отражается характер Марьи Ивановны, кроткой, мягкой, женственной. Глава носит название «Разлука», и в эпиграфе отражено печальное настроение: трижды повторяется слово «грустно», передающее состояние влюбленных.

Гл. X «Осада города».

Эпиграф выдержан в высоком стиле, заставляет сравнивать Пугачева с орлом. Орел в фольклорной мифологии – символ свободы, гордого и независимого духа, силы и мощи. Херасков употребляет слова высокого стиля «взоры», «град», «стан», «перуны», «в нощи», которые, относясь к произведению Пушкина, подчеркивают величие, значимость фигуры Пугачева. Эпиграф перекликается со сказкой про орла и ворона, рассказанной Пугачевым Гриневу.

Гл. XI «Мятежная слобода».

Эпиграф относится к Пугачеву, который уподобляется льву. Говорится о природной свирепости льва, о его ласковость объясняется тем, что в «ту пору» он «был сыт». Полагают, что этот эпиграф сочинен Пушкиным и приписан Сумарокову. Для чего нужна была литературная мистификация? Слова о природной свирепости льва могли быть вызваны цензурными соображениями. Но скорее всего, скрытой полемикой с традиционными дворянскими представлениями о Пугачеве. Ведь содержание главы, да и романа в целом свидетельствует как раз об отсутствии у Пугачева природной свирепости. Сумароков же не поднялся в этом отношении над людьми своего круга, называя Пугачева «варваром», «псом бешеным», «врагом Отечества», превзошедшим «тигра и аспида».

Гл. XIII «Арест».

Литературоведы предполагают, что и это авторские слова, стилизованные под Княжнина. Эпиграф связан, конечно, с главным событием – арестом, которое отразилось в названии. Гринева арестовывают, но он уверен в справедливости суда, своей невиновности:

«Совесть моя была чиста; я суда не боялся...».

Фольклорные эпиграфы в повести, их своеобразие и роль в произведении (выступление учащихся).

А) Эпиграфы, взятые из народных песен.

Гл. II «Вожатый».

Судя по названию главы, эпиграфы относятся к Пугачеву и характеризует его как «доброго молодца», которого в «сторону незнакомую» завела «прытость, бодрость молодецкая и хмелинушка кабацкая». Хотя есть здесь и противоречие: сторона-то Пугачеву знакома, а завела его в эту сторону другая забота «Сторона мне знакомая, – отвечал дорожный, – слава Богу, исхожена и изъезжена вдоль и поперек». Песня из эпиграфа перекликается с другой – «Не шуми, мати зеленая дубравушка» (гл. VIII), подчеркивая трагизм образа Пугачева.

Гл. III «Крепость».

Эпиграф, взятый из солдатской песни, соответствует шутливому, ироническому тону мемуариста, вспоминающего заблуждения и ошибки своей юности. В этой главе отношение автора и рассказчика к описываемым событиям, вероятно, во многом идентично. Следует отметить перекличку названия главы «Крепость», начало повествования «Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга» и эпиграфа «Мы в фортеции (в крепости) живем...» Может быть, этим автор подчеркивает значение Белогорской крепости в предстоящих событиях. Крепость, больше похожая на глухую деревушку, сумеет превратиться на время в грозное оборонительное сооружение. А может быть, такое «троекратное эхо» только усиливает иронию над романтическими представлениями Петра Гринева о крепости: «Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни, вал; но ничего не видел, кроме деревушки, окруженной бревенчатым забором.»

Гл. V «Любовь».

К главам, в которых разворачивается тема Марьи Ивановны, даны эпитафии из народных песен, пословиц, любовной лирики поэтов XVIII века. Таким образом, Пушкин показывает свою симпатию к главной героине, подчеркивает, что её характер близок к народному идеалу.

Отрывки из народной песни проникнуты настроением грусти, сожаления, разочарования. И это совпадает с тем, что творится в душе главного героя: «Жизнь моя сделалась мне несносна. Я впал в мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездействие. Любовь моя разгоралась в уединении и час от часу становилась мне тягостнее... Дух мой упал».

Гл. VI «Пугачевщина».

С этой главы начинается повествование об исторических событиях, потрясших Россию. И эпитафия к этой главе – своеобразное обращение к читателям, призыв к серьезному восприятию того, о чем будет рассказано далее.

Гл. VII «Приступ».

Эпитафия, кратко характеризуя основное содержание главы, вместе с тем уточняет отношение рассказчика к некоторым действующим лицам. Гринев привязался к семейству Мироновых, хотя и видел их ограниченность. Эпитафия поясняет, что капитан Миронов симпатичен бескорытием, скромностью, честностью. Эпитафия перекликается с концовкой главы. Василиса Егоровна кричит: «Свет ты мой, Иван Кузьмич, удалая солдатская головушка! Не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; ни в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от бедного каторжника». Эпитафия и концовка главы составляют кольцевую композицию, этому способствует повтор слова «головушка». Эпитафия взята из народной песни и слова Василисы Егоровны похожи на народный плач, причитание по покойнику. И, конечно, совпадает трагическая тональность эпитафия и заключительных строк главы.

Гл. XII «Сирота».

Эпиграф перекликается с названием главы, с помощью фольклорного параллелизма подчеркивается горькая доля Марьи Ивановны. Уменьшительно-ласкательные слова «яблонька», «княгинюшка», «отросточек» создают ощущение нежности, трогательности, незащитности девушки. В Марье Ивановне Пушкин выражает женский идеал, главная героиня верная, искренняя, женственная, простая, готовая к самопожертвованию.

Эпиграф в какой-то степени и противоречит содержанию главы, потому что именно в ней «снаряжает» и «благословляет» сироту сам Пугачев. Именно он будет посаженным отцом и устройтелем счастья Маши.

Слова из эпиграфа перекликаются со словами главы, характерными для устного народного творчества. «Голубушкой» называет Машу попадья. Пугачев также говорит о Маше «голубушка», «красная девица», «бедная девушка», «красавица».

Б) Эпиграфы – пословицы.

Гл. VIII «Незванный гость».

Пословица передает тревожное настроение Петра Гринева, оказавшегося в рискованной ситуации. Дважды повторяя словосочетание «незванный гость», Пушкин подчеркивает разрушительный характер, драматизм русского бунта.

Гл. XIV «Суд».

В главе говорится о последствиях событий, освященных в предыдущих главах. Если до сих пор повествование раскрывало главным образом отношения действующих лиц с точки зрения Гринева, то в конце повести сталкиваются разные точки зрения на самого Гринева (суд, родители Гринева, Марья Ивановна, императрица, потомки Гринева). В итоге ложное мнение о нем рассеивается бесследно. Отсюда и эпиграф

«Мирская молва – морская волна».

Также следует сказать об эпитафии ко всей повести. Эпитафия «Береги честь смолоду» – камертон, на который настраивается все повествование, в нем заключена основная идея повести. Мудрость русского народа, закрепленная в пословице, выступает как качество жизненного ориентира, нравственной основы общества.

Эпитафии, взятые из фольклорных источников, подчеркивают атмосферу народной стихии повести, указывают на близость нравственных и эстетических идеалов А.С. Пушкина к народным представлениям.

Итоги и выводы семинара.

Вопрос учителя к классу «В чем своеобразие пушкинских эпитафий в повести и какова их роль?».

Ответы учащихся:

1. Эпитафии составляют идейный дуэт с названием главы. Некоторые литературоведы даже советуют провести эксперимент: прочитать только названия глав и эпитафии к ним.

2. Две группы эпитафий выражают фольклорную и книжную традиции русской литературы, два пласта культуры, два мировоззрения – дворянское и народное.

3. Каждый эпитафия как бы предваряет действие, о котором будет рассказываться в главе. Каждый настраивает читателя на событие или героя, описываемые в главе, задают определенную тональность по следующему повествованию, то есть эпитафия выступает своеобразной экспозицией.

4. Каждый эпитафия несет на себе смысловую нагрузку, благодаря которой можно не только почувствовать время, а котором идет повествование, но и разобраться в характерах героев, лучше понять замысел Пушкина.

5. Эпитафия у Пушкина создает сложный образ, рассчитанный на восприятие и собственно произведения, и тех текстов, из которых

извлечены эпиграфы.

6. Некоторые литературоведы считают, что эпиграф в этом произведении – своего рода конспект главы.

7. Н.В. Гоголь писал о языке произведений А.С. Пушкина: «Слов не много, но они так точны, что обозначают все. В каждом слове бездна пространства. Каждое слово необъятно как поэт.» В полной мере это можно отнести и к эпиграфам, с такой тщательностью, вкусом, точностью подобранным в «Капитанской дочке».

8. Уберите эпиграфы из повести, и вы ощутите пустоту, вам будет их не хватать. Не хватать не только их глубокого смысла, но и их эмоциональности, в которой, несомненно, отразилось авторское отношение к героям и событиям, его беспокойное сердце, пушкинская чувствительная душа.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Роль и значение эпитафий в цикле «Повести покойного Ивана Петровича Белкина»

Таблица 2 – Роль и значение эпитафий в цикле «Повести покойного Ивана Петровича Белкина»

Название повести	Эпитафия	Роль и значение эпитафии в повести
1	2	3
Общее заглавие к «Повестям Белкина»	«Гжа Простакова: То, мой батюшка, он еще сызмала к историям охотник. Скотинин Митрофан по мне» («Недоросль»)	Лукаво-иронический подтекст повестей замечен уже в эпитафии, взятом из комедии Фонвизина «Недоросль». В этом эпитафии – стилистический ключ ко всему повествованию. Такой эпитафия предполагает в дальнейшем живую игру воображения, свободный вымысел, занимательные истории. Установку на ироническую многоплановость повествования можно увидеть и в предисловии «От издателя». Отношение помещика к повестям Белкина примерно такое же, как в эпитафии, то есть как к «байкам», «побасёнкам».
«Барышня-крестьянка»	«Во всех ты, Душенька, нарядах хороша». (Богданович)	Белкин отличается более ироничным взглядом на жизнь, что выражается в подборе им эпитафий. Здесь эпитафия из Богдановича даёт ироническую оценку многочисленным переодеваниям Лизы. Лиза, барышня, единственная дочь довольно богатого помещика, переделалась простой крестьянкой и представилась дочерью кузнеца. И этот выдуманный образ оказался ей к лицу ничуть не менее, чем реальный. Ведь не платье красит человека, а его внутренний мир, его мысли и чувства. И в этом отношении

Продолжение таблицы 2

1	2	3
		<p>Лиза действительно была прекрасной.</p> <p>В какое бы платье не оделась эта замечательная девушка, кем бы она не представилась, она все равно бы осталась сама собой, осталась бы красавицей. И именно об этом предупреждает читателя эпиграф к повести.</p>
<p>«Выстрел»</p>	<p>«Стрелялись мы» (Баратынский) «Я поклялся застрелить его по праву дуэли (за ним остался еще мой выстрел)» («Вечер на бивуаке»)</p>	<p>Графу Сильвио кажется необъяснимым злодеем, может быть даже демоном или чёртом. Однако мнение графа о Сильвио несколько искажено тем обстоятельством, что он рассказывает это приятелю Сильвио, поэтому старается избегать прямых оценок. Тем не менее косвенно он свое отношение выразил – он тоже романтически преувеличивает Сильвио. Белкин более мудр. Его точка зрения проявляется в эпиграфе. Смысл двойного эпиграфа: поэт Баратынский воспринимает дуэль как поэтическое «стрелялись мы», а воины на привале воспринимают дуэль как предлог для убийства (на самом деле вторая часть эпиграфа тоже литературная, это цитата из повести Бестужева-Марлинского «Вечер на бивуаке»). Две разных оценки дуэли – поэтическая и прозаическая. Герои повести видят красивую романтическую историю о демоническом таинственном Сильвио, совершающем странный загадочный поступок. Для Белкина дуэль – это поэтическое оправдание убийства, так как в основе её лежит не защита чести, а месть, злоба, желание увидеть противника униженным.</p>

Продолжение таблицы 2

1	2	3
«Гробовщик»	«Не зрим ли каждый день гробов, Седин дряхлеющей вселенной?» (Державин)	<p>Казалось бы, в повести происходят страшные события – ужасный сон Прохорова, однако интонация повести с самого начала веселая. Эпиграф к повести противоречит самой повести, где никто не умирает (даже купчиха Трюхина), хотя в доме Прохорова гробы, действительно, «зримы» каждый день. Повествователь обещает читателю «мрачного» гробовщика, непохожего на «веселых и шутивных» гробокопателей Шекспира и Вальтера Скотта, но ни страшного, ни мрачного в повести читатель не находит.</p> <p>Если кто фактически и «зрит» каждый день гробы, то это Адриан Прохоров, и между эпиграфом и повестью устанавливаются конфликтные отношения, ибо меньше всего гробовщику Пушкина свойствен пафос философского, поэтического раздумья о жизни, смерти и вселенной. Причиной этого являются именно каждодневные смерти, ставшие прозой ремесленной жизни героя. Контрастом кажется высканский стиль эпиграфа на фоне начальной, нарочито сниженной фразы о поклаже гробовщика, взваленной на похоронные дроги. Явно, что смерть давно не вызывает у героя особых чувств.</p> <p>Гуманизм Пушкина раскрывается в том, что любой человек в мире является частью всеобщности и истинности мироздания. Автор повести «Гробовщик» предлагает в обыкновенном человеке увидеть нечто значительное (при этом не деляя героя</p>

Продолжение таблицы 2

1	2	3
		<p>лучше, не приукрашивая характера). Соединяя вселенский масштаб смерти в эпитафии и бытовую, комическую историю с «мертвецами» в самой повести, Пушкин устанавливает систему отношений: жизнь-смерть, бытие-быт. Пушкин снова ставит перед читателями вопросы. В чём же смысл жизни? Как достичь счастья, в чём оно заключается? Можно ли назвать героя «заурядным» человеком? О чём мечтает «простой» человек? Таким образом, писатель, открывая читателям белкинский мир, словно распахивает двери, но не в лавочку похоронных дел мастера, а в русскую жизнь, в круг «вечных» вопросов и проблем.</p>
<p>«Метель»</p>	<p>«Кони мчатся по буграм, Топчут снег глубокой... Вот в сторонке божий храм Виден одинокой. Вдруг метелица кругом; Снег валит клоками; Черный вран, свистя крылом, Вьется над санями; Вещий стон гласит печаль! Кони торопливы Чутко смотрят в темну даль, Воздымая гривы...» (Жуковский)</p>	<p>Метель вмешалась в жизнь героев и поменяла женихов. Эпитафия из «Светланы» подключает к этой истории представления Жуковского (и других романтиков) о существовании таинственной, неявленной человеку закономерности нашей жизни, судьбы. Так суждено было – встретиться Марье и Бурмину. Но если Белкин так думает, то тогда с ним явно не согласен Пушкин: нет в этом совпадении никакого смысла, слепая случайность. В жизни нет скрытой логики, «оттуда» никто и ничто не правит «здесь». Метель развела одних и свела других – но какой у этого смысл? Разве стало лучше? Хорошо ли, что метель сломала жизнь Владимиру? Жизнь как метель, когда небо сливается с землей, слепая и бессмысленная стихия.</p>
<p>«Станционный смотритель»</p>	<p>«Коллежский регистратор, Почтовой станции диктатор» (Князь Вяземский)</p>	<p>Эпитафией из Вяземского представлено некоторое общее мнение о станционных смотрителях; это внешняя и далекая от жизни героя повести высокомерная точка зрения, не знающая собственной, внутренней меры этой чужой жизни; это взгляд проезжающего, остроумного «свысока», не входящего «в положение», взгляд из другого жизненного положения и социального круга. «Внешняя» точка зрения эпитафии соответствует его внешнему</p>

		положению по отношению к тексту вне рассказа повествователя и повести
--	--	---

Продолжение таблицы 2

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
		<p>Белкина. Но слово автора спорит с эпитафией как слово из одного мира с князем Вяземским. Этот последний – «за текстом» – должен как будто слышать, что ему отвечает автор в первых строках повести. Голос автора в первых строках повести – это голос человека одного жизненного круга с князем Вяземским, но не со станционным смотрителем. Автор сочувственно и с призывом «войти в положение» рисует другую сторону существования «диктатора».</p> <p>Начало «<i>Станционного смотрителя</i>» откликается эпитафии из Вяземского, то есть из-за текста эпитафия легко переходит в авторский текст. Ирония Вяземского и защита автора звучат в одной широкой аудитории, образуют открытый диалог. Таким образом, граница, отделяющая произведение от эпитафии, очень ослаблена и открыта</p>

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Роль и значение эпитафий в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка»

Таблица 3 – Роль и значение эпитафий в романе «Капитанская дочка»

№	Название главы	Эпитафия	Источник эпитафий	Роль и значение эпитафий в главе
1	2	3	4	5
1	Сержант гвардии	«–Был бы гвардии он завтра ж капитан. –Того не надобно: пусть в армии послужит. –Изрядно сказано! Пускай его потужит... Да кто его отец?» (Княжнин)	Я.Б. Княжнин «Хвастун».	В главе обнаруживаются причины несения воинской службы Петром Гринёвым. А также эпитафия наводит на мысль, что герою, прежде чем ступить на жизненный путь, следует послужить. Важную роль будет играть фигура отца: он направляет своего сына познать все тяготы армейской жизни в дальний гарнизон. Значение употребления Эпитафий обнаружится в конце повести, когда Екатерина дарует жизнь Петру из-за заслуг его отца. Эпитафия здесь осуществляет также функцию вступления. Художественное мастерство А.С. Пушкина обнаруживается в переходе от текста эпитафий к существенному тексту главы, которая начинается словами: «Отец мой Андрей Петрович Гринёв...»

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5
2	Вожатый	«Сторона ль моя, сторонушка, Сторона незнакомая! Что не сам ли я на тебя зашёл, Что не добрый ли да меня конь завёз: Завезла меня, доброго молодца, Прыткость, бодрость молодецкая И хмелинушка Кабацкая»	Автор изменил текст этой рекрутской песни. В оригинале первые строки: <i>«Сторона ль ты моя, сторонушка, Сторона Моя незнакомая»</i>	Эпиграф обозначает главные положения главы: герой оказывается в чужой стороне, из-за своих ошибок без денег в буране, судьба сталкивает не только с непогодой, но и с вожатым, который в дальнейшем окажется Пугачёвым. Бунтовщик спасёт Гринёва и сыграет и благородную, и роковую роль в его судьбе.
3	Крепость	«Мы в фортеции живём, Хлеб едим и воду пьём; А как лютые враги Придут к нам на пироги, Зададим гостям пирушку: Зарядим картечью пушку. Солдатская песня. Старинные люди, мой батюшка» Недоросль	Источник неизвестен до сих пор, перед нами стилизация автора или народная песня. Цитата из комедии Фонвизина «Недоросль» изменена. Простакова говорила: <i>«Старинные люди, мой отец!»</i> .	Атмосфера передаётся в первых строках эпиграфа: комендант и Василиса Егоровна доброжелательно встречают Петрушу, они, действительно, старинные люди – второй эпиграф стилизован под речь комендантши, которая расскажет о случае со стрельбой в пушку.
4	Поединок	«-Ин изволь и стань же в позитуру. Посмотришь, проколю как я твою фигуру!» Княжнин.	Я.Б. Княжнин, Комедия «Чудаки».	Эпиграф предвещает, что будет дуэль, на которой один из её участников «проколет» другого. Раненый – Пётр.

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5
5	Любовь	«Ах ты, девка, девка красная! Не ходи, девка, молода замуж; Ты спроси, девка, отца, матери, Отца, матери, роду-племени; Накопи, девка, ума-разума, Ума-разума, приданова». «Буде лучше меня найдёшь, позабудешь, Если хуже меня найдёшь, вспомянешь»	Народные песни.	Эти два эпиграфа для Петруши являются несчастливými вестниками. Маша не выйдет замуж за Гринёва: ей необходимо, чтобы брак был освящён благословением. Она заботится не только о себе, но и о Петре, т. к. осознаёт, что в будущем он не сможет быть счастливым без родительской любви. Второй же эпиграф передаёт чувства героини: Маша понимает, что нужно разорвать отношения. Её сердце наполнено болью и мукой.
6	Пугачёвщина	«Вы, молодые ребята, послушайте, Что мы, старые старики, будем сказывати»	Народная песня.	Эпиграф выполняет особую роль: в нём мы проводим параллель с обращением «старого старика» Петра Андреевича к молодому поколению о ненасильственных переменах в жизни.
7	Приступ	«Голова моя, головушка, Голова послуживая! Послужила мне головушка Ровно тридцать лет и три года. Ах, не выслужила головушка Ни корысти себе, ни радости, Как ни слова себе доброго И ни рангу себе высокого; Только выслужила головушка Два высокие столбика, Перекладинку кленовую Ещё петельку Шелковую»	Народная песня.	Подыскав эпиграф к этой главе, автор наиболее объёмно раскрыл замысел Гринёва. Штурма не было. Ворвавшись в крепость, Пугачёв и его банда приступили к зверским расправам с теми, кто осмеливался выступать против них. Эпиграф седьмой главы не сопоставляется с судьбой Гринёва: герой скорбит о судьбе капитана Миронова и поручика Ивана Игнатьича.

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5
8	Незванный гость	«Незванный гость хуже татарина»	Пословица.	Пушкин этой пословицей имел в виду следующее: Гринёв находится на пиру у Пугачёва по приглашению, а бунтовщика и его шайку в крепость никто не приглашал, поэтому незванным гостем является Пугачев.
9	Разлука	«Сладко было спознаваться Мне, прекрасная, с тобой; Грустно, грустно расставаться, Грустно, будто бы с душой»	М.М. Херасков «Разлука».	Эпиграф наводит на лирический настрой: Гринёв с болью в сердце расстаётся Машей, которая осталась во власти Швабрина.
10	Осада города	«Заняв леса и горы, С вершины, как орёл, бросал на град он взоры. За станом повелел соорудить раскат И, в нём перуны скрыв, в нощи привести под град»	М.М. Херасков «Россиада»: <i>«Меж тем Российский царь, заняв луга и горы, // С вершины, как орёл, бросал ко граду взоры».</i> Автор изменил текст	Передаются чувства героя и повествуется о том, что предпринимает Гринёв для освобождения Маши. Эпиграф предсказывает, что Пётр Андреевич («как орёл») поскачет из города («в нощи») в Белогорскую крепость, чтобы высвободить любимую из рук Швабрина.
11	Мятежная свобода	«В ту пору лев был сыт, хоть сроду он свиреп. Зачем пожаловать изволил в мой вертеп? – Спросил он ласково»	Стилизация под Сумарокова.	Стилизация А.С. Пушкина ярко выявляет смысл главы: Пугачёв (лев) был и сыт, и свиреп. Уже в эпиграфе мы ощущаем, что между героями состоится важный разговор, несмотря на грозный тон, хозяин будет ласков с Петром.

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5
12	Сирота	«Как у нашей яблонки Ни верхушки нет, ни отросточек; Как у нашей у княгинюшки Ни отца нету, ни матери. Снарядить-то её некому, Благословить – то её некому»	Народная песня, автор её изменил.	Пушкин изменил песню: дуб заменил яблоней. И сразу становится всё на свои места: судьба Марьи Ивановны зависит от убийцы её родителей (а мы знаем, что Пугачёв был жесток с детьми дворян). Поэтому в качестве спасителя сироты Пугачёв опасен